

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Scientia et Studium

№ 1 / 2026

<https://studium-j.ru/>

Главный редактор журнала:

Куровская Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии:

Есеналиев Аскат Ералиевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова, Шымкент, Казахстан

Крайнова Надежда Александровна, доктор юридических наук, кафедра уголовного права и процесса, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

Ло Цзы-Ин, PhD (уголовное правосудие), Университет Сент-Джонс, Квинс, Нью-Йорк, США

Мелихов Александр Иванович, доктор юридических наук, факультет подготовки следователей, Волгоградская академия МВД РФ, Волгоград, Россия

Мещеряков Владимир Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Учредитель:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая народная республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул.

Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: <https://studium-j.ru/>

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-92145

Издатель: Куровская Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва

© Scientia et Studium, 2026 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

Уголовно-правовые науки

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по существу исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «Scientia et Studium» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту АРА)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования. Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Scientia et Studium» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Chief Editor:

Kurovskaya Natalia Anatolyevna, General Director of “Academy of Science and Education” LLC, Donetsk, Russian Federation

Editorial Board:

Yesenaliyev Askat Eralievich, PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan

Kraynova Nadezhda Aleksandrovna, Doctor of Laws, Department of Criminal Law and Procedure, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Lo Tzu-Ying, PhD in Criminal Justice, St. John’s University, Queens, New York, USA

Melikhov Aleksandr Ivanovich, Doctor of Laws, Faculty of Investigator Training, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia

Meshcheryakov Vladimir Alekseevich, Doctor of Laws, Professor, Department of Criminalistics, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Founder:

LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"

Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.

INN: 9303040432

KPP: 930301001

OGRN: 1259300002103

Phone: +7 (909)679-60-04

Website: <https://studium-j.ru/>

Media registration number: El No. FS77-92145

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.

Publisher's address: Moscow

© Scientia et Studium, 2026 г.

The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:
Criminal law Sciences

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal "Scientia et Studium" publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using published journal materials, a link to "Scientia et Studium" is required.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors' point of view does not always coincide with the authors' point of view.

总编辑的杂志:

Куровская纳塔利娅Kurovskaya, 总干事, 中国科学院科学和教育、顿涅茨克、俄罗斯联邦

成员的编辑委员会:

Esenaliev Askat Eralievich, 候选人的法律科学学院副教授的部门的民事法律和程序, M.Auezov 南哈萨克斯坦大学、哈萨克斯坦奇姆肯特

娜杰日达 A.Krainova, 医生的法律系刑法和刑事诉讼程序, 塞瓦斯托波尔国立大学、塞瓦斯托波尔、俄罗斯

Lo 子英博士(刑事司法), 圣约翰大学, 皇后, 纽约州, 美国

Melikhov 亚历山大*伊万诺维奇医生的法学院研究员培训、伏尔加格勒部学院的内部事务的俄罗斯联邦、伏尔加格勒、俄罗斯

Meshcheryakov 弗拉基米尔*阿列克谢, 医生的法律教授, 该部的刑事, 沃罗涅日州立大学、沃罗涅日, 俄罗斯

创始人:

有限责任公司"科学院科学与教育"

创始人的地址:41 阿尔乔姆 str., 房间 306b, 顿涅茨克城市, 顿涅茨克人民共和国、283086.

锡: 9303040432

检查站:930301001

OGRN:1259300002103

电话:+7(909)679-60-04

网站 : <https://studium-j.ru/>

媒体登记号码: 电邮号码 FS77-92145

出版者: Куровская 纳塔利娅 Kurovskaya, 总干事的 ANO 有限责任公司。

Адрес 出版商的地址: 莫斯科. Москва

©科学等 Studium、2026 年 г.

频率为每年 4 次.

该杂志发表文章的下列科学专业:

刑法科学

审查程序的文章

所有提交的稿件初步检查由编辑人员遵守该杂志的主题和检查的独创性(使用适当的软件和硬件系统)。文章,已经通过了这一阶段提交的匿名审查的成员在编辑委员会成员或外部专家参与。受到接收积极的评价没有评论在物质的研究,该文接受出版,包括在编辑的投资组合和安置在接下来的问题的期刊。

科学杂志"科学 等 Studium"发表的科学和实用研究,在按照命名的科学专业,为其学位的奖励。

我们的杂志致力于使该出版物过程中尽可能方便用于作者,因此,它允许对设计各种选项,参考书目和参考资料。

所列出的来源是根据 GOST7.0.5-2008 年鉴于在该条结尾处在标题"列表中的资源"。以下格式的参考书目的是允许的:

- Внутритекстовые 内部文本链接(根据 APA 标准)
- 脚注(根据 GOST7.0.5-2008 年)
- 不-文本链接(根据 GOST7.0.5-2008 年)

我们提供者与灵活性设计,以尽量减少繁文缛节并侧重于内容的研究。最主要的是均匀内的文章本身。

出版物的费用

编辑委员会成员不收取作者收费为筹备、安置或印刷材料。

当使用出版杂志的材料的链接"科学 等 Studium"是强制性的。

全部或部分转载的资料只允许用书面批准的文章的作者或编辑委员会。

编辑的观点来看并不总是符合提交人的观点。

内容 是提供 下 лицензией 的知识共享归属 4.0 许可证。内容可在知识共享归属 4.0 许可证。

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВОПРОСЫ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	8
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	19
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ГРАЖДАН ПЕРЕД ЗАКОНОМ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА	33
К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ И НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЗА СОВЕРШЕНИЕ УБИЙСТВА ПРИ НАЛИЧИИ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ.....	44
АЛКОГОЛИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ОБОСТРЕНИЯ КРИМИНОГЕННОЙ ОБСТАНОВКИ	55

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Научная статья

УДК 343

ВОПРОСЫ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Иесуэ Лаура, Ph.D., постдокторант Института общественной безопасности, доцент уголовного правосудия и криминологии, Университет штата Сэм Хьюстон, Хантсвилл, Техас, США, iesuelauracrj@outlook.com

Аннотация

Анализируя вопросы декриминализации преступлений в сфере экономической деятельности, автор исходит из того, что законодатель ключевое внимание уделяет именно криминализации, а декриминализация является скорее редким исключением как в целом, так и в части деяний в сфере экономической деятельности. Автор объясняет это стремлением законодателя обеспечить максимальную превенцию. В работе также затрагивается тенденция повышения приоритетности возмещения вреда с прекращением уголовного преследования, хотя такую тенденцию нельзя назвать характерной для значительной части составов исследуемых преступлений. Обосновывается необходимость наличия в УК РФ некоторых так называемых «мёртвых» норм, которые практически не применяются на практике, однако имеют предупредительное значение и могут быть реализованы в крайних случаях, в качестве исключения. Также обосновывается противоречие официально декларируемой политики по либерализации уголовного законодательства, в том числе в отношении субъектов предпринимательства, и реально проводимых изменений: при 32 дополнительно введённых статьях УК РФ в гл. 22 УК РФ декриминализированы были деяния лишь по 5 статьям. Сделан вывод о необходимости законодателю более конкретно определиться с реализацией уголовно-правовой политики и её курсом, в также больше внимания уделять вопросам декриминализации деяний,

в том числе с учётом возможности их перевода из категории преступлений в категорию административных правонарушений.

Ключевые слова: декриминализация, криминализация, общественная опасность деяния, преступление, преступления в сфере экономической деятельности, преступность деяния, УК РФ, экономические преступления

Original article

ISSUES OF DECRIMINALIZATION OF CERTAIN CRIMES IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY

Laura Iesue, Ph.D., Postdoctoral Fellow (Institute for Public Safety), Associate Professor of Criminal Justice and Criminology, Sam Houston State University, Huntsville, Texas, USA

Abstract

Analyzing the issues of decriminalization of crimes in the sphere of economic activity, the author proceeds from the fact that the legislator pays key attention to criminalization, and decriminalization is rather a rare exception both in general and in terms of acts in the sphere of economic activity. The author explains this by the legislator's desire to ensure maximum prevention. The paper also touches upon the tendency to increase the priority of compensation for harm with the cessation of criminal prosecution, although this trend cannot be called characteristic of a significant part of the crimes under study. The article substantiates the need for certain so-called "dead" norms in the Criminal Code of the Russian Federation, which are practically not applied in practice, but have a preventive value and can be implemented as an exception in extreme cases. The author also substantiates the contradiction between the officially declared policy of liberalizing criminal legislation, including in relation to business entities, and the actual changes being made: with 32 additional articles of the Criminal Code of the Russian Federation, Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation decriminalized only 5 articles. It is concluded that the legislator needs to determine more specifically the implementation of criminal law policy and its

course, as well as pay more attention to the issues of decriminalization of acts, including taking into account the possibility of their transfer from the category of crimes to the category of administrative offenses.

Keywords: decriminalization, criminalization, public danger of an act, crime, crimes in the sphere of economic activity, criminality of an act, Criminal Code of the Russian Federation, economic crimes

Введение

Вопросы декриминализации деяний в сфере экономической деятельности характеризуются особой актуальностью. Это объясняется, в частности, тем, что данный вопросы затрагивают интересы субъектов предпринимательства, деятельность которых крайне важна для экономики любого государства, в том числе и Российской Федерации [3, с. 47]. В этом плане уголовно-правовая политика в сфере регулирования ответственности за соответствующие виды преступных деяний оказывает немалое влияние на деловой климат в стране.

Конечно, меры по декриминализации, так и по криминализации, должны носить научно и практически обоснованный и системный характер, быть стратегически выверенными. Но говорить о том, что в России они реализуются именно таким образом, пока не приходится. В литературе [5] отмечается волнообразный и спонтанный характер изменений, вносимых в Уголовный кодекс Российской Федерации [1].

Кроме того, реалии развития уголовного законодательства противоречат декларируемой официально политике по либерализации УК РФ, в том числе в части регулирования ответственности предпринимателей. В этих условиях появляется потребность в качественном осмыслении проблем, связанных с декриминализацией отдельных деяний в сфере экономической деятельности.

Основная часть

Приступая к анализу проблематики декриминализации преступлений в сфере экономической деятельности, в первую очередь стоит подчеркнуть

отмечаемую в литературе перенасыщенность УК РФ составами экономических преступлений, что расценивается как один из результатов стремления Российского государства повысить количество запретов с целью осуществления максимальной превенции криминализации экономической сферы деятельности [9, с. 72].

То есть намерения законодатели вполне благие: чтобы предупредить разного рода злоупотребления со стороны субъектов экономической деятельности, он криминализует многие её аспекты, влекущие для общества и государства высокие риски. Однако зачастую это переходит все границы и субъекты экономической деятельности, в том числе из категории предпринимателей, сталкиваются с множеством правовых рисков, влекущих в том числе и риск привлечения к уголовной ответственности. В этой связи нельзя не отметить, что любая предпринимательская деятельность сопряжена с широким спектром рисков для лиц, её осуществляющих. Поэтому вопрос декриминализации – это, в том числе, и вопрос сокращения рисков для указанных субъектов.

Для более основательной проработки проблематики декриминализации преступлений в сфере экономической деятельности необходимо затронуть исторический аспект, рассмотрев отдельные случаи исключения преступности деяний в рассматриваемой сфере. Так, в числе наиболее ранних случаев декриминализации оказались, в частности, такие преступления, как заведомо ложная реклама, предусмотренная ст. 182 УК РФ и обман потребителей, предусмотренный ст. 200 УК РФ: оба деяния были исключены из категории преступлений в 2003 г. Можно полагать, что решения законодателя о их декриминализации были обоснованным и продиктованы не только крайне редким применением, но и весьма спорным характером самих формулировок. Так, применительно к заведомо ложной рекламе вряд ли можно точно сказать, что является ложью, поскольку сама реклама по своей природе в большей мере апеллирует к чувствам и эмоциям, и в этой связи любое преувеличение, любое

неосторожно подобранное сравнение может повлечь серьезные уголовно-правовые риски.

Вместе с тем, возможность привлечения к уголовной ответственности за ложную рекламу в отдельных случаях все же сохранилось в рамках ст. 159 УК РФ («мошенничество») и ст. 165 УК РФ «причинение имущественного ущерба путём злого обмана или злоупотребления доверием», на что указывают Ф. А. Вестов и Н. Р. Шамьенов [3, с. 47].

Что же касается таких деяний, как лжепредпримательство (ст. 173 УК РФ – утратила силу в 2010 г.) и контрабанда (ст. 188 УК РФ – утратила силу в 2011 г.), то они, как пишут Ф. А. Вестов и Н. Р. Шамьенов, «не совсем исчезли», в связи с чем «говорить о декриминализации как таковой не приходится» [3, с. 47]. Такое мнение обосновывается появлением в УК РФ новых составов преступлений, связанных с неправомерным образованием юридического лица (ст.ст. 173.1, 173.2 УК РФ) и контрабандой (ст.ст. 200.1, 226.1, 229.1 УК РФ).

В литературе многими авторами отмечается вполне конкретная тенденция либерализации уголовно-правовой политики и соответствующего перераспределения репрессивного уголовно-правового воздействия на другие отрасли права, прежде всего, на административное [9, с. 72]. Иными словами, деяния, ранее признаваемые уголовно наказуемыми, переходят в разряд административных правонарушений, наказуемых в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [2] (КоАП РФ).

Также заслуживающей внимания тенденцией является повышение приоритетности возмещение вреда и прекращение уголовного преследования в связи с этим. В развитии такого подхода прослеживается вполне конкретный, экономически обоснованный интерес. С экономической точки зрения предоставление субъекту преступления возможности возместить ущерб от собственного противоправного деяния «в обмен» на освобождение от уголовного преследования зачастую оказывается гораздо выгоднее, нежели реализация репрессивных мер, поскольку в последнем случае, хотя и реализуется уголовно-

правовая превенция, но обе стороны оказываются в невыгодном положении. В связи с этим также высказываются мысли об излишней идеализации изложенного подхода ввиду нивелирования превентивной функции Уголовного закона [9, с. 72]. Такая тенденция действительно весьма неоднозначна, так как экономический интерес ставится выше, а интересы защиты общества, граждан и государства от общественно опасных деяний, по сути, игнорируются или отходят на второй план.

Нельзя не признать, что некоторые нормы, устанавливающие уголовную ответственность за преступления в сфере экономической деятельности, в том числе применительно к субъектам предпринимательства, на практике не применяются либо применяются крайне редко, ввиду чего даже именуются «мёртвыми». И на первый взгляд, их можно рассматривать как потенциальные объекты декриминализации. Между тем, вопрос их декриминализации оказывается не столь однозначным. В литературе высказывается мнение о том, что подобные нормы носят превентивный характер именно в силу самого факта их наличия в Особенной части УК РФ. Иными словами, это как своего рода крайняя мера, которая применяется лишь в исключительных случаях [3, с. 47].

В контексте рассмотрения проблематики декриминализации нельзя не отметить и появление в УК РФ широкого круга новых норм об ответственности за деяния в сфере экономической деятельности, которые затрагивают, в том числе, и интересы субъектов предпринимательства. Причём эта тенденция имеет усиливающийся характер, на что указывает, например, Ю. И. Кулешов и А. В. Быков [6, с. 8]. Более того, отдельные авторы даже пишут об избыточности криминализации деяний [8, с. 25].

В этой связи необходимо заметить, что в гл. 22 о преступлениях в сфере экономической деятельности за весь период действия УК РФ было внесено дополнительно 32 статьи, при этом утратили силу лишь 5. Если круг исследуемых деяний расширить за счёт остальных преступлений в сфере экономики, то различия окажутся ещё более существенными. И это позволяет

поддержать тех авторов, которые усматривают в российской уголовно-правовой политике избыточность криминализации деяний.

С другой стороны, вряд ли можно сомневаться в том, что во многих случаях криминализация определённых деяний обусловлена объективными причинами и призвана обеспечить защиту государства, общества и личности от отдельных посягательств, влекущих высокие риски для охраняемых законом прав и интересов.

Здесь нельзя не отметить усложнение структуры экономических отношений, расширение круга видов экономической деятельности, также внедрение в сферу экономики информационных технологий. Все это порождает необходимость принимать в том числе и меры уголовно-правового характера, связанные с расширением спектра уголовно наказуемых деяний. В этом также видится определённая увлечённость законодателя вопросами максимальной уголовно-правовой превенции, в связи с чем его внимание отстраняется от отдельных составов, которые, возможно, следовало бы декриминализировать.

В связи с изложенным нельзя не признать того факта, что в России гораздо проще решается вопрос о криминализации тех или иных деяний, нежели о декриминализации. Думается, что в восприятии законодателя имеет место некоторая презумпция: если ранее было принято решение о криминализации того или иного деяния, то это решение уже не ставится под сомнение с точки зрения возможности его декриминализации.

Представляется, что слишком пассивная политика законодателя в части пересмотра составов преступлений в сфере экономической деятельности в контексте декриминализации не вызывала бы столько вопросов, если бы в целом политика законодателя была имела конкретный вектор. Однако она во многом носит спонтанный, импульсивный характер, что отмечается в научной литературе [4, с. 1406].

Впрочем, некоторые авторы ставят под сомнение и те решения законодателя о декриминализации, которые были приняты ни один год назад.

Например, выражаются сомнения по поводу целесообразности декриминализации заведомо ложной рекламы, поскольку общественная опасность этого деяния нередко недооценивается, по мнению некоторых исследователей [10].

Нельзя не заметить, что включение в УК РФ многих составов преступлений не сопряжено с их детальной проработкой и научным обоснованием, на что указывает В. А. Маслов [7, с. 72]. Однако законодатель в таких случаях вместо декриминализации тех или иных деяний предпочитает вносить бесчисленные изменения в соответствующие нормы, устраняя таким образом недостатки ранее принятых решений.

Нет сомнений, что вопрос о декриминализации конкретного деяния может быть решён положительно лишь в том случае, если законодатель усмотрит в нём отсутствие общественной опасности. Но здесь крайне важно уточнить, что общественная опасность (степень общественной опасности), как типовой признак, отражается именно в Особенной части УК РФ [7, с. 73], а решение этого вопроса зависит исключительно от законодателя. То есть деяние де-юре опасным становится только в результате его криминализации, во всяком случае, применительно к сфере экономической деятельности.

Заключение

Подводя итог, представляется важным подчеркнуть принципиальную необходимость соблюдения баланса между репрессивными и либеральными мерами в области уголовно-правовой политики [11, с. 207]. Поэтому вопросам декриминализации, как нам представляется, законодатель должен уделять больше внимания. На сегодняшний же день он занят преимущественно вопросами криминализации. И об этом явно свидетельствует характер изменений, которые были внесены в УК РФ в целом и в части регулирования ответственности за преступления в сфере экономической деятельности: на 32 случая криминализации деяний в сфере экономической деятельности приходится лишь 5 случаев декриминализации. В связи с этим отечественный законодатель

должен однозначно определиться с уголовно-правовой политикой, в какую именно сторону он её развивает: в сторону ужесточения, в сторону либерализации, или же стремится балансировать уголовное законодательство в нынешнем виде. С учётом сказанного все же представляется важным обращать большее внимание на проблематику декриминализации, особенно с учётом возможности перевода отдельных преступных деяний в разряд административных правонарушений с соответствующими санкциями финансового характера.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63 ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. (с изм. и доп. от 30 дек. 2021 г.) // Рос. газ. – 1996. – 18-20 июня.; Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 1 (ч. I). – Ст. 68.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 декабря 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 декабря 2001 г. (с изм. и доп. от 30 дек. 2021 г.) // Рос. газ. – 2001. – 31 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 1 (ч. I). – Ст. 37.
3. Вестов Ф. А., Шамьенов Н. Р. Перспективы декриминализации преступлений субъектов экономической деятельности // Эксперт: теория и практика. 2021. № 4(13). С. 46–51.
4. Голик Ю. В., Коробеев А. И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть // Lex Russica. 2014. № 12. С. 1399–1410.
5. Кибальник А. Г. Уголовный кодекс РФ: двенадцатый год деградации // Библиотека криминалиста. 2013. № 3. С. 40–41.

6. Кулешов Ю. И., Быков А. В. Некоторые тенденции декриминализации деяний в сфере экономической деятельности // Вестник Югорского государственного университета. 2018. № 2(49). С. 64–70.
7. Маслов В. А. Общественная опасность деяния как основание криминализации (декриминализации) // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 71–85.
8. Плаксина Т. А. Проблемы современной уголовно-правовой политики // Гражданское общество и правовое государство. 2015. Т. 1. С. 22–25.
9. Постанюк В. Д. К проблеме декриминализации ответственности за преступления экономического характера // Евразийская адвокатура. 2019. № 2(39). С. 71–73.
10. Рассоха Е. А. Декриминализация экономических преступлений как тенденция законотворчества // Colloquium-Journal. 2020. № 9-9(61). С. 38–41.
11. Самаруха В. И., Самаруха А. В., Самаруха И. В. Проблемы противодействия налоговым преступлениям // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 2. С. 199-210.

References

1. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyun. 1996 g. № 63 FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 24 maya 1996 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 iyun. 1996 g. (s izm. i dop. ot 30 dek. 2021 g.) // Ros. gaz. – 1996. – 18-20 iyun.; Sobr. Zakonodatel`stva Ros. Federacii. – 2022. – № 1 (ch. I). – St. 68.
2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 20 dekabrya 2001 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 26 dekabrya 2001 g. (s izm. i dop. ot 30 dek. 2021 g.) // Ros. gaz. – 2001. – 31 dek.; Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. – 2022. – № 1 (ch. I). – St. 37.

3. Vestov F. A., Sham`enov N. R. Perspektivy` dekriminalizacii prestuplenij sub`ektov e`konomicheskoy deyatel`nosti // E`kspert: teoriya i praktika. 2021. № 4(13). S. 46–51.
4. Golik Yu. V., Korobeev A. I. Reforma ugolovnogo zakonodatel`stva Rossii: by`t` ili ne by`t` // Lex Russica. 2014. № 12. S. 1399–1410.
5. Kibal`nik A. G. Ugolovny`j kodeks RF: dvenadczaty`j god degradacii // Biblioteka kriminalista. 2013. № 3. S. 40–41.
6. Kuleshov Yu. I., By`kov A. V. Nekotory`e tendencii dekriminalizacii deyanij v sfere e`konomicheskoy deyatel`nosti // Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 2(49). S. 64–70.
7. Maslov V. A. Obshhestvennaya opasnost` deyaniya kak osnovanie kriminalizacii (dekriminalizacii) // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2022. № 3. S. 71–85.
8. Plaksina T. A. Problemy` sovremennoj ugolovno-pravovoj politiki // Grazhdanskoe obshhestvo i pravovoe gosudarstvo. 2015. T. 1. S. 22–25.
9. Postanyuk V. D. K probleme dekriminalizacii otvetstvennosti za prestupleniya e`konomicheskogo xaraktera // Evrazijskaya advokatura. 2019. № 2(39). S. 71–73.
10. Rassoxa E. A. Dekriminalizaciya e`konomicheskix prestuplenij kak tendenciya zakonotvorchestva // Colloquium-Journal. 2020. № 9-9(61). S. 38–41.
11. Samaruxa V. I., Samaruxa A. V., Samaruxa I. V. Problemy` protivodejstviya nalogovy`m prestupleniyam // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2018. T. 12, № 2. S. 199-210.

Научная статья

УДК 343.36

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**Вестов Федор Александрович, к.ю.н., доцент, профессор кафедры
уголовного, экологического права и криминологии юридического
факультета Саратовского национального исследовательского
государственного университета им. Н.Г.Чернышевского, Саратов, Россия,
achgunov1978@yandex.ru**

Аннотация

Анализируемая в настоящей статье фальсификация доказательств и результатов ОРД является серьезнейшим преступлением, нацеленным не только против правосудия, но и против государства в целом, поскольку подрывает авторитет государственной власти. Российский законодатель, предусматривая уголовную ответственность за данное деяние в ст. 303 УК РФ, по мнению автора, недооценивает опасность и характер такого деяния и статья посвящена именно этой проблеме. Автором рассматриваются основные положения ст. 303 УК РФ, раскрываются понятия доказательств (в контексте уголовного процесса) и результатов ОРД. Затрагивается проблема ошибочной квалификации преступлений, предусмотренных ст. 303 УК РФ, выделяются предпосылки ошибок. В контексте рассмотрения вопроса наказаний автор обосновывает позицию, что установленные в настоящее время размеры санкции не являются обоснованными. Анализируя законопроект о внесении изменений в указанную статью, отклоненный в 2023 г., автор даёт ему положительную оценку и рассматривает мнения по этому вопросу представителей адвокатского сообщества. В итоге делается вывод о целесообразности усиления уголовной ответственности по ст. 303 УК РФ и введении наказаний, соразмерных тем наказаниям, которые были назначены (могли быть назначены) потерпевшим по делам, содержащим фальсифицированные доказательства или результаты ОРД.

Ключевые слова: должностные преступления, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, преступления против правосудия, уголовная ответственность, уголовный процесс, фальсификация доказательств, фальсификация результатов оперативно-розыскных мероприятий

Original article

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND IMPLEMENTATION OF RESPONSIBILITY FOR FALSIFICATION OF EVIDENCE AND RESULTS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

Vestov Fedor Aleksandrovich, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal, Environmental Law and Criminology, Law Faculty, Saratov State National Research University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

Abstract

The falsification of evidence and the results of the ARD analyzed in this article is a serious crime aimed not only against justice, but also against the state as a whole, since it undermines the authority of state power. The Russian legislator, by providing for criminal liability for this act in Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation, in the author's opinion, underestimates the danger and nature of such an act, and the article is devoted specifically to this problem. The author examines the main provisions of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation, discloses the concepts of evidence (in the context of a criminal trial) and the results of an ARD. The problem of the erroneous qualification of crimes provided for in Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation is touched upon, and the prerequisites for errors are highlighted. In the context of considering the issue of punishments, the author substantiates the position that the currently established size of the sanction is not justified. Analyzing the draft law on amendments to this article, rejected in 2023, the author gives it a positive assessment and considers the opinions of representatives of the legal community on this issue. As a result, it is concluded that

it is advisable to strengthen criminal liability under art. 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the introduction of punishments commensurate with the punishments that were imposed (could have been imposed) on victims in cases containing falsified evidence or the results of an ARD.

Keywords: official offenses, operational investigative activities, operational investigative measures, crimes against justice, criminal liability, criminal procedure, falsification of evidence, falsification of the results of operational investigative measures

Введение

Понимание фальсификации доказательств как искажения фактической информации [11], применимое как в отношении доказательств, так и в отношении результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД), а также смежные вопросы можно отнести актуальнейшей проблеме современного отечественного права в целом и уголовного права в частности. В этой связи фальсификация доказательств и результатов ОРД может быть причислена к категории наиболее опасных преступлений, которые наносят вред системе правосудия [8, с. 91; 9, с. 58]. Более того, они наносят вред и в целом государству ввиду подрыва авторитета одного из ключевых государственно-властных институтов, коим является судебная система. Причем данная проблематика определенно усугубляется латентностью данного преступного деяния.

Основная часть

Особая значимость норм об ответственности за фальсификацию представляемых суду доказательств, независимо от того, в рамках какого судопроизводства происходит такая фальсификация, обусловлена, прежде всего, конституционным статусом права каждого на судебную защиту, которое гарантировано в ч. 1 ст. 46 Конституции РФ [1] и должно исключать, согласно ч. 2 ст. 50, использование незаконно полученных доказательств.

Рассматривая проблематику фальсификации, обратимся в первую очередь к нормам Уголовного кодекса РФ [2] (УК РФ), ст. 303 которого содержит нормы о четырех составах преступления:

1. Фальсификация доказательств в рамках гражданского, административного или дела об административном правонарушении.
2. Фальсификация доказательств в рамках уголовного дела.
3. Фальсификация доказательств в рамках уголовного дела о тяжком или особо тяжком преступлении, или повлекшая тяжкие последствия.
4. Фальсификация результатов ОРД в целях уголовного преследования заведомо не причастного к преступлению либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации.

Представленный подход к выделению 4-х составов преступлений, связанных с фальсификацией, с нашей точки зрения, обоснован, поскольку в данном случае учитывается тяжесть последствий, которые влечёт для потерпевшего каждый из указанных случаев фальсификации.

Здесь также подчеркнем факт введения ч. 4 в ст. 303 в УК РФ лишь в 2012 г. Ранее же фальсификация результатов ОРД в числе составов преступлений не отсутствовала, что даёт возможность сделать вывод о недостаточно ответственном отношении отечественного законодателя к регулированию ответственности за преступления против правосудия. В то же время сам факт внесения указанной нормы в ст. 303, пусть и запоздалый, следует расценить положительно.

В контексте позитивной оценки указанных изменений П. С. Метельский подчеркнул их логическую обоснованность, указывая на практику использования сфабрикованных материалов ОРД в качестве основы доказывания виновности лиц, де-факто не причастных к преступлению [10, с. 153]. При этом не имеет особого значения тот факт, что сами по себе полученные в рамках ОРД материалы еще не имеют доказательственной силы и для придания им таковой необходимо принятие соответствующего обоснованного и

задокументированного процессуального решения, ведь ч. 1 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [4] (Закон об ОРД) позволяет использование результатов ОРД, в частности, при производстве следственных действий.

Изложенное означает, что, например, сфабрикованные преступным путем материалы ОРД могут стать основой для производства формально законных следственных действий, в рамках которых будут получены опять же формально законные доказательства. В этой связи даже не используемые в качестве основы обвинения материалы ОРД, полученные незаконно, тоже могут стать предпосылкой для уголовного преследования гражданина, де-факто не причастного к преступлению. Поэтому вряд ли могут быть какие-то сомнения обоснованности рассматриваемых изменений ст. 303 УК РФ.

Если опираться на доктрину российского уголовного права, то можно выделить 4 элемента, на базе которых складывается состав преступления:

1. Объект.
2. Объективная сторона.
3. Субъект.
4. Субъективная сторона [8, с. 89].

Однако, рассмотрение каждого из этих аспектов применительно к каждой из 4-х частей ст. 303 УК РФ не представляется целесообразным, поэтому затронуты будут лишь некоторые вопросы, которые отражают регулирование ответственности в рамках ст. 303 УК РФ, носящие наиболее проблемный характер.

Итак, объективную сторону в данном случае составляют деяния, прежде всего, действия по фальсификации доказательств или результатов ОРД. В этой связи следует уточнить содержание данных понятий.

Так, результатами ОРД, исходя из п. 36.1 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ [3] (УПК РФ), являются полученные согласно Закону об ОРД сведения:

1. О признаках преступления.
2. О причастных к преступлению лицах

Таким образом, фальсификация сведений, которые относятся к указанным категориям, способна при определённых действиях со стороны следственных органов повлечь незаконное уголовное преследование гражданина.

Причём, учитывая упрощённый порядок юридического оформления результатов ОРД (в сравнении с порядком оформления доказательств), можно полагать, что их фальсифицировать существенно проще, чем доказательства; но и результаты ОРД могут получить силу доказательств.

Доказательствами в рамках уголовного процесса, согласно ч.ч. 1 и 2 ст. 74 УПК РФ, выступают любые сведения, позволяющие устанавливать наличие или отсутствие значимых для уголовного дела обстоятельств, в том числе:

1. Показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля.
2. Заключение и показания эксперта и специалиста.
3. Вещественные доказательства.
4. Протоколы следственных и судебных действий.
5. Прочие документы.

Соответственно, потенциально спектр сведений, которые могут быть фальсифицированы в смысле ст. 303 УК РФ, достаточно широк. Безусловно, каждый из потенциально фальсифицируемых объектов имеет свою специфику, которую нет необходимости в данном исследовании детально анализировать. Однако можно обратить внимание на некоторые проблемы, которые так или иначе, затрагивают всю сферу правоотношений, в рамках которых может иметь место фальсификация.

Среди главных проблем можно отметить недостатки самих положений ст. 303 УК РФ, и в числе этих недостатков, по мнению Ю. Н. Климовой, выделяется отсутствие указания на признаки фальсификации доказательств, а представленные в материалах практики Верховного Суд РФ разъяснения по этому поводу носят разрозненный характер [9, с. 60].

Указанной проблемой во многом обуславливаются ошибки квалификации деяний в рамках ст. 303 УК РФ. Некоторые среди них можно выделить особо:

1. Ошибочные выводы об отсутствии состава преступления при его фактическом наличии применительно к конкретному деянию.

2. Ошибочное установление в деянии признаков фальсификации доказательств при их фактическом отсутствии [13, с. 196].

В этой связи Пленумом Верховного Суда РФ был дан ряд разъяснений, которые следует учитывать в целях избежания ошибок квалификации. Ключевая рекомендация состоит в необходимости учета особенностей доказывания, обусловленных различными видами судопроизводства – гражданского, административного, уголовного и пр. В то же время ответственность по ч. 3 ст. 303 УК РФ при наличии тяжких последствий фальсификации, при наличии к тому оснований, может наступать вне зависимости от вида судопроизводства [6]. В этой связи можно говорить о наличии особой проблематики применительно к фальсификации в рамках каждого из видов судопроизводства.

Если внимание акцентировать на фальсификации доказательств именно в рамках уголовного судопроизводства (ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ), то в целом имеющиеся проблемы можно связать со следующим:

1. С несовершенством положений ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ.

2. С ошибками квалификации, обусловленными несовершенством положений ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ.

3. С принадлежностью осуществляемых расследование должностных лиц и подозреваемых (обвиняемых) фактически к той же системе – правоохранительной.

4. С наличием уголовно-процессуального института особого производства, в рамках которого практически не обращается внимание на качество собираемых доказательств.

5. С наличием в правоприменительной практике разных подходов к квалификации рассматриваемых деяний [9, с. 59].

Следует сказать, что эти и другие проблемы в целом признаются законодателем и он предпринимает усилия, нацеленные на их искоренение. И одной из значимых попыток усовершенствовать рассматриваемое законодательство можно считать Законопроект № 990766-7 [5], который был отклонён в апреле 2023 г. Не взирая на это, он заслуживает особого внимания, так его авторы предлагали существенно пересмотреть подходы к решению вопроса о наказаниях применительно к рассматриваемым преступлениям.

Основная суть данного законопроекта сводилась к тому, чтобы существенно усилить уголовную ответственность, в том числе ввести нижние пределы наказаний в виде лишения свободы, а также повысить верхние пределы, в частности, с 5 до 12 лет – по ч. 2 ст. 303, с 7 до 20 лет – по ч. 3, с 4 до 7 лет – по ч. 4. Соответственно, речь шла также об изменении категории соответствующих преступлений на более тяжкую.

Мотивируя отклонение законопроекта, в официальном отзыве было указано, что в Пояснительной записке к законопроекту не представлены результаты научного анализа правоприменительной практики, статистические, иные объективные данные, которые позволили бы говорить о недостаточности мер наказания с точки зрения достижения целей Уголовного закона, предусмотренных в ч. 2 ст. 43 УК РФ.

Возможно, такой аргумент можно бы было бы принять, однако. сторонники отклонения законопроекта не учли, например, принцип справедливости, положенный в основу уголовной ответственности, исходя из которого представляется очевидным также введение наказаний, соразмерных содеянному. Иными словами, если в результате умышленной фальсификации доказательств или результатов ОРД гражданин привлекается к ответственности и получает наказание в виде 7 лет лишения свободы, то соразмерным и справедливым в таком случае вполне можно рассматривать аналогичное наказание на тот же срок. Но, видимо, законодатель придерживается иной позиции [5].

В адвокатском сообществе отношение к указанному Законопроекту в целом и к идее существенного ужесточения ответственности по рассматриваемым составам преступления весьма неоднозначно. Так, адвокат А. Ананьев подчеркнул латентность рассматриваемой категории преступлений, наличие круговой поруки и нежелание правоохранительных органов и судебной системы признавать факты фальсификации в качестве преступлений. Также адвокатом было отмечено, что в практике должностные лица, рассматривающие дела о фальсификациях, воспринимают соответствующие деяния в качестве незначительных проступков, которые совершаются для недопущения «развала» дел. В то же время данным адвокатом подчеркнута необходимость весьма строгого наказания рассматриваемые преступления, с учётом наличия множества примеров фабрикации дел [12].

Адвокат М. Никонов, критически расценивая указанный законопроект, подчеркнул несоразмерность предлагаемых им наказаний, поскольку санкций по разным частям ст. 303 УК РФ предлагалось довести до размера наказания за убийство [12]. И безусловно, такую критику можно считать состоятельной, но лишь отчасти. Ведь если брать во внимание тот факт, что в результате умышленной фальсификации и фактической фабрикацией обвинения граждане могут получать наказания вплоть до пожизненного лишения свободы, то установление аналогичных пределов наказаний виновным в фальсификации вряд ли можно поставить под сомнение с точки зрения обоснованности и справедливости.

Советник ФПА РФ Н. Гаспарян указанный законопроект оценил положительно, но не поддержал идею усиления ответственности для адвокатов наравне со следователями и прокурорами [12], что представляется обоснованным.

Здесь нельзя не подчеркнуть также специфику субъектов, об уголовной ответственности которых идёт речь: в их качестве нередко выступают профессионалы, имеющие все возможности для эффективного противодействия

расследованию фальсификации [7, с. 113]. Данный аспект тоже представляется важным учитывать при рассмотрении вопроса об установлении уголовных наказаний.

Заключение

Фальсификация доказательств и результатов ОРД является серьёзнейшим преступлением, которое пока, к сожалению, отечественный законодатель рассматривает не вполне последовательно, системно, справедливо. В современной правоприменительной практике пока не исключены случаи фальсификации доказательств и результатов ОРД, лежащие в основу государственного обвинения и влекущее привлечение невиновных лиц к уголовной ответственности. Размеры санкций в рамках ст. 303 УК РФ, нельзя назвать соразмерными содеянному, поскольку ответственность никоим образом не коррелирует с теми последствиями, которые возникают в результате незаконного осуждения. Например, гипотетически можно предположить, что в результате фальсификации тех или иных доказательств гражданин может быть осуждён на пожизненное лишение свободы, в то же время как виновное в этом лицо, фальсифицировавшее доказательства, будет приговорено лишь к нескольким годам лишения свободы.

В связи с изложенным представляется необходимым пересмотреть уголовно-правовую политику в части установления наказаний для деяний по ст. 303 УК РФ. Представляется целесообразным рассмотреть возможность установления таких пределов наказаний для виновного в фальсификации, которые будут соразмерны наказанию, назначенному потерпевшему (или которое потенциально могло быть назначено потерпевшему) в случае его неправомерного осуждения. Такой подход представляется более справедливым и в полной мере отвечающим цели уголовно-правовой превенции.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июл. 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 26 дек.; 2020. 2020. 4 июл.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня. 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня. 1996 г. (с изм. и доп. от 4 авг. 2023 г.) // Рос. газ. 1996. 18-20 июня.; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6145.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 дек. 2001 г. (с изм. и доп. от 4 авг. 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст.4921; 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6145.
4. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 дек. 2001 г. (с изм. и доп. от 29 дек. 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349; 2023. № 1 (ч. I). Ст. 85.
5. О внесении изменений в статью 303 Уголовного кодекса Российской Федерации в части усиления ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности : законопроект № 990766-7 (отклонен) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/990766-7> (дата обращения: 02.06.2025).
6. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28 июня. 2022 г. № 20 // Сайт Верховного Суда Рос. Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/31328/> (дата обращения: 02.06.2025).

7. Беляева Е. Р., Грибунов О. П. Характеристика личности оперативного сотрудника как субъекта, совершившего фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 3(32). С. 111–114.
8. Бердников В. Л. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1(100). С. 87–97.
9. Климова Ю. Н. Фальсификация доказательств по уголовному делу: особенности объективных и субъективных признаков // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 58–66.
10. Метельский П. С. Уголовная ответственность за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. Т. 16, № 3. С. 146–156.
11. Мурзина А. А. Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности: вопросы квалификации // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 9(43). С. 295–297.
12. Павлова З. Проблема существует // Официальный сайт ФПА РФ. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/problema-sushchestvuet/> (дата обращения: 02.06.2025).
13. Свиридов С. В. Квалификационные ошибки, выражающиеся в неверном установлении отсутствия или наличия в деянии признаков состава преступления, предусмотренного чч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 196–201.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. 1993. 26 dek.; 2020. 2020. 4 iyul.
2. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyun. 1996 g. № 63-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 24 maya 1996 g. : odobr. Sovetom Federacii

- Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 iyun. 1996 g. (s izm. i dop. ot 4 avg. 2023 g.) // Ros. gaz. 1996. 18-20 iyun.; Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2023. № 32 (ch. I). St. 6145.
3. Ugolovno-processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 22 noyab. 2001 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 dek. 2001 g. (s izm. i dop. ot 4 avg. 2023 g.) // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2001. № 52 (ch. I). St.4921; 2023. № 32 (ch. I). St. 6145.
4. Ob operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti : feder. zakon ot 12 avg. 1995 g. № 144-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 22 noyab. 2001 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 dek. 2001 g. (s izm. i dop. ot 29 dek. 2022 g.) // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 1995. № 33. St. 3349; 2023. № 1 (ch. I). St. 85.
5. O vnesenii izmenenij v stat'yu 303 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v chasti usileniya otvetstvennosti za fal'sifikaciyu dokazatel'stv i rezul'tatov operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti : zakonoproekt № 990766-7 (otklonen) // Sistema obespecheniya zakonodatel'noj deyatel'nosti. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/990766-7> (data obrashheniya: 02.06.2025).
6. O nekotory'x voprosax sudebnoj praktiki po ugolovny'm delam o prestupleniyax protiv pravosudiya : postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda Ros. Federacii ot 28 iyun. 2022 g. № 20 // Sajt Verxovnogo Suda Ros. Federacii. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/31328/> (data obrashheniya: 02.06.2025).
7. Belyaeva E. R., Gribunov O. P. Xarakteristika lichnosti operativnogo sotrudnika kak sub`ekta, sovershivshego fal'sifikaciyu rezul'tatov operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 3(32). S. 111–114.
8. Berdnikov V. L. Sub`ektivnaya storona prestupleniya, predusmotrennogo st. 303 UK RF // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 1(100). S. 87–97.

9. Klimova Yu. N. Fal'sifikaciya dokazatel'stv po ugovnomu delu: osobennosti ob`ektivny`x i sub`ektivny`x priznakov // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2020. № 2(55). S. 58–66.
10. Metel'skij P. S. Ugolovnaya otvetstvennost' za fal'sifikaciyu rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2019. T. 16, № 3. S. 146–156.
11. Murzina A. A. Fal'sifikaciya dokazatel'stv i rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti: voprosy` kvalifikacii // Nauchny`j e`lektronny`j zhurnal Meridian. 2020. № 9(43). S. 295–297.
12. Pavlova Z. Problema sushchestvuet // Oficial'ny`j sajt FPA RF. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/problema-sushchestvuet/> (data obrashheniya: 02.06.2025).
13. Sviridov S. V. Kvalifikacionny`e oshibki, vy`razhayushhiesya v nevernom ustanovlenii otsutstviya ili nalichiya v deyanii priznakov sostava prestupleniya, predusmotrennogo chch. 2 i 3 st. 303 UK RF // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 5. S. 196–201.

Научная статья

УДК 342.7:343

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ГРАЖДАН ПЕРЕД ЗАКОНОМ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

**Арчер Роберт Дж. Л., Ph.D., доцент кафедры уголовного правосудия,
Государственный университет Николса, Тибодо, Луизиана, США,
archerrjus@mail.ru**

Аннотация

В статье анализируется принцип равенства всех перед законом, обеспечиваемый в уголовном законодательстве, но имеющий общеправовой характер и заложенный ещё в нормах Конституции РФ. В статье кратко рассматривается содержание некоторых конституционных норм, предусматривающих принцип равенства. Далее главное внимание сосредоточено вокруг вопросов уголовно-правового спектра. Рассматриваемый принцип, невзирая на своё закрепление в Конституции и УК РФ, однако, реализуется с многочисленными изъятиями, примеры которых приводятся в статье. В целом многие исключения из рассматриваемого принципа и учёными, и автором статьи расцениваются как допустимые и логичные, однако в некоторых нюансах принцип равенства перед законом действует с чрезмерно широким кругом ограничений, особенно в случае реализации уголовной ответственности в отношении женщин. С учётом рассмотрения норм УК РФ и анализа научной литературы делается вывод об условности принципа равенства и уместности сохранения некоторых изъятий из данного принципа, а также о необходимости пересмотра исключений из данного принципа в сторону сужения их перечня и более последовательного соблюдения равенства.

Ключевые слова: конституционные права, неравенство, права человека, принцип равенства, принципы правосудия, равенство перед законом, уголовное право, Уголовный кодекс РФ

Original article

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF EQUALITY OF CITIZENS BEFORE THE LAW IN THE FIELD OF CRIMINAL LAW

**Robert J. L. Archer, Ph.D., Associate Professor of Criminal Justice, Nicholls
State University, Thibodaux, Louisiana, USA**

Abstract

The article analyzes the principle of equality of all before the law, provided in criminal legislation, but having a general legal character and laid down in the norms of the Constitution of the Russian Federation. The article briefly examines the content of some constitutional norms providing for the principle of equality. Further, the main focus is on issues of the criminal law spectrum. The principle under consideration, despite its consolidation in the Constitution and the Criminal Code of the Russian Federation, however, is implemented with numerous exceptions, examples of which are given in the article. In general, many exceptions to the principle under consideration are regarded by both scientists and the author of the article as acceptable and logical, however, in some nuances, the principle of equality before the law operates with an excessively wide range of restrictions, especially in the case of criminal liability against women. Taking into account the consideration of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and the analysis of scientific literature, it is concluded that the principle of equality is conditional and that it is appropriate to preserve some exceptions to this principle, as well as the need to review exceptions to this principle in the direction of narrowing their list and more consistent observance of equality.

Keywords: constitutional rights, inequality, human rights, principle of equality, principles of justice, equality before the law, criminal law, Criminal Code of the Russian Federation

Введение

Вряд ли какой-то другой принцип является столь же значимым, как принцип равенство граждан перед законом. Однако не взирая на значимость

данного принципа и обусловленной этим его изученность, многие нюансы, связанные с его пониманием, до настоящего времени являются спорными, что конечно же требует прояснения.

Актуальность указанного принципа в сфере уголовного права не вызывает сомнений, особенно если учитывать отдельные нормы Уголовного кодекса Российской Федерации [2] (далее – УК РФ), в содержании которых очевидны существенные отклонения от данного принципа. Поэтому в свете обсуждения принципа равенства определённые нормы УК РФ не могут остаться без внимания, тем более что сам принцип равенства носит общеправовой характер, имеет статус конституционного и к его соблюдению следует относиться принципиально внимательно как в законодательном регулировании, так в практике применения законодательства и в научно-исследовательской деятельности.

Основная часть

Основной Закон Российской Федерации – Конституция [1] (Конституция РФ) выступает ключевым источником действующего законодательства, закрепляющим фиксирующим рассматриваемый принцип, причём как применительно к законодательству в целом, так и применительно к отдельным его отраслям. Поэтому следует прежде дать обзор основных конституционных норм, обеспечивающих равенство.

В ч. 2 ст. 6 Конституции РФ говорится о равных правах, свободах и обязанностях каждого гражданина. Безусловно, в этом контексте принцип равенства носит общеправовой характер и, без сомнения, распространяется на все сферы законодательного регулирования, среди которых и сфера уголовного права.

Ч 1. ст. 19 Конституции РФ провозглашает равенство всех перед законом и судом. Думается, что в данной формулировке принцип в целом идентичен принципу равенства всех перед законом. Указание на суд, как нам представляется, существенной роли в данном случае не играет, если учитывать

то, что любой суд, действующий в рамках российской юрисдикции, руководствуется исключительно законодательством, перед которым, очевидно, все равны.

Ч. 2 ст. 19 Конституции РФ раскрывает суть равенства всех перед законом с точки зрения отдельных критериев, на основе которых потенциально может быть нарушено равенство. В этой связи половая принадлежность, расовая принадлежность, национальная, языковая принадлежность, происхождение человека, его имущественное, должностное положение, место жительства, убеждения, иные факторы, согласно указанной норме, не должны выступать основанием для нарушения равенства. Указанная норма устанавливает также запрет любых ограничений, исходя из перечисленных критериев. То есть любая дискриминация в этом смысле объявлена вне закона.

Мужчина и женщина тоже провозглашаются субъектами с равными правами, свободами, возможностями, согласно ч. 3 ст. 19 Конституции РФ.

Представленные нюансы, отражающие принцип равенства, в полной мере реализуются и в сфере уголовного права, как и в любой другой сфере. Однако, учитывая специфику уголовного права, вопросы равенства требуют особого внимания. Ст. 4 УК РФ в регулировании этого вопроса является ключевой и гласит следующее: «Лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.»

То есть УК РФ, с точки зрения равенства, предусматривает практически те же критерии, которые не могут рассматриваться как основания для предпочтений в пользу тех или иных субъектов.

Более того, нарушение данного принципа, как в рамках уголовного права, так в рамках иных отраслей, при определённых условиях может повлечь уголовную ответственность. Согласно ст. 136 УК РФ, дискриминация,

понимаемая как нарушение прав и законных интересов человека и гражданина в зависимости от определённых, перечисляемых в данной норме критериев, влечёт уголовную ответственность, если совершена с использованием служебного положения.

Признавая особую важность недискриминационности законодательства в целом и уголовного законодательства в частности, необходимо отметить, что определённые нормы, тем не менее, дискриминационный характер носили, а некоторые продолжают оставаться таковыми. В качестве яркого примера можно привести п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ, предусматривавший с 2010 по 2023 гг. в качестве отягчающего наказание обстоятельства «совершение умышленного преступления сотрудником органов внутренних дел». Данное обстоятельство становилось предметом многих дискуссий, разворачивавшихся по поводу обсуждения принципа равенства всех перед законом, а также справедливости.

И надо сказать, что дискуссии разворачивались не на пустом месте, ведь речь шла о том, чтобы принадлежность гражданина к определённой категории лиц по профессиональному и должностному признаку рассматривать как основание признание наличия отягчающего обстоятельства. Конечно, с одной стороны может представляться нелогичным указанное решение. С другой стороны, учитывая достаточно широкие полномочия, в том числе полномочия силового характера, которыми наделяются сотрудники органов внутренних дел, решение о внесении указанного обстоятельства как отягчающегося в ч. 1 ст. 63 УК РФ, представляется аргументированным. На это указывают также другие авторы, в том числе Ю. С. Караваева, замечая, что даже совершение вне служебной деятельности преступления сотрудником органов внутренних дел влечёт за собой подрыв авторитета соответствующих органов и государства, снижает доверие населения к государству и к правоохранительным органам [5, с. 284].

Если руководствоваться самим фактом подрыва авторитета, пусть даже потенциальным, то нельзя не учитывать данный аспект при установлении мер

уголовной ответственности, что ещё раз подтверждает обоснованность дополнения спектра отягчающих обстоятельств рассматриваемым пунктом «о».

Однако в указанной норме вполне можно было усмотреть и некоторые признаки дискриминации, поскольку профессиональный, должностной аспект был положен в основу ужесточения наказания, и это стало основанием для исключения указанного пункта из УК РФ в 2023 г. [3]

Ю. С. Караваева, оценивая указанное положение закона, признает его дискриминационным, но не в той части, в какой оно берет за основу профессиональный или должностной признак, а в той, что на сотрудников иных правоохранительных органов соответствующее основание не распространялось. В связи с этим отягчающим обстоятельством была принадлежность лишь к органам внутренних дел, в то время, как и другие сотрудники правоохранительных органов зачастую тоже имеют сходные полномочия, возможности, ведут деятельность схожего характера. Исходя из этого, указанным автором в качестве более подходящей предлагается формулировка, где вместо указания на сотрудника органов внутренних дел имеется указание на сотрудника правоохранительного органа [5, с. 288].

А вообще вопросы дискриминационности положений УК РФ и, соответственно, проблемы обеспечения равенства граждан перед законом в контексте уголовной ответственности поднимаются в науке крайне часто. И многие исследователи указывают на фактическое отклонение УК РФ о формально декларируемого принципа равенства. Например, Р. А. Сабитов и Т. Р. Сабитов в своей статье оценивают дискриминационный характер отдельных положений УК РФ с точки зрения дифференциации в зависимости от имущественного и должностного положения лиц [6].

Конечно, такая дискриминация в современных реалиях капиталистического строя и демократии представляется недопустимой. Здесь можно, наверное, провести какие-то параллели с советским правом, для которого дискриминация по признакам происхождения и (или) имущественного

положения была уместна, особенно в первые годы советской власти, что обуславливалось сугубо классовым подходом к разрешению правовых и всех иных проблем государства и общества.

С учётом изложенного некоторые признаки дискриминации в этом плане можно расценить как некое советское наследие. Хотя, безусловно, оценка этого должна быть негативной.

Р. А. Сабитов и Т. Р. Сабитов в качестве пример дискриминации приводят ст.ст. 201 и 285 УК РФ, в которых за аналогичного характера деяния, повлёкшие тяжкие последствия, предусматриваются разные санкции применительно к субъектам, представляющим организации частного сектора и государственного или муниципального сектора. Помимо того, указанными авторами приводятся и другие примеры, на основании чего делается вывод о том, что гл. 23 УК РФ предусматривает более «льготные» санкции для соответствующих для субъектов преступлений, а для их «коллег», представляющих государственные и муниципальные организации – более суровые наказания [6, с. 71–72].

Применительно к рассмотренным и другим подобным случаям можно было бы признать нарушение принципа равенства перед законом, однако, позволим себе не согласиться с указанными авторами. Более жёсткий подход к уголовным наказаниям в отношении руководителей и вообще должностных лиц государственных и муниципальных структур нам представляется вполне обоснованным. Во-первых, совершая то или иное преступление, должностное лицо, представляющее орган власти, государственную или муниципальную организацию, подрывает авторитет государства и соответствующих государственных институтов. Более того, речь может идти и о подрыве экономических основ государства. Очевидно, что косвенно от этого страдает и общество в целом. То есть последствия совершения преступления должностными лицами государственных и муниципальных организаций представляются более значимыми. Что же касается совершения преступления руководителем организации негосударственного, немunicipального сектора, то

они, с нашей точки зрения, менее опасны, по крайней мере, в этом в таких случаях отсутствует подрыв государственного авторитета, дискредитация государственных институтов.

Так, если преступление совершено руководителем организации здравоохранения, находящейся в ведении государства, то, безусловно, имеет место подрыв всей системы здравоохранения, организуемой государством. В случае же совершения преступления лицом, представляющим коммерческую, негосударственную организацию, вряд ли уместно говорить о том, что подрывается авторитет государства и (или) конкретных государственных институтов.

С учётом сказанного можно считать ошибочным буквальное понимание принципа равенства. Анализируя данный вопрос, И. С. Семёнова ещё в 2004 г. подчёркивала, что принцип равенства следует понимать не фактически, как равенство фактическое, а именно как равенство возможностей, что означает отсутствие в нормах закона необоснованных льгот, привилегий, а также любых форм дискриминации [7, с. 9]. И принципиально важно отметить недопустимость именно необоснованных льгот; исходя из этого видения, обоснованные льготы и обоснованные привилегии, иные обоснованные особенности, отличия вполне допустимы.

В. Ю. Стельмах, рассматривая вопросы иммунитета от уголовного преследования, обосновывает их оправданность. [8]. Здесь надо уточнить, что вопросы иммунитета регламентируются в первую очередь процессуальным законодательством, и в этой связи от уголовного права мало что зависит. Однако нельзя не признать, что иммунитет от уголовного преследования, обеспечиваемый уголовно-процессуальным законодательством, оказывает огромное влияние, в том числе и на сферу уголовного права. И учитывая действующий в отношении отдельных категорий лиц иммунитет от уголовного преследования, ни в коем случае нельзя называть принцип равенства,

существующий в рамках уголовного права, абсолютным. Думается, что данный принцип относителен.

Д. Б. Дмитриев и О. Г. Донская особое внимание уделяют проблеме различий в отношении законодателя к вопросам уголовной ответственности мужчин и женщин, указывая на чрезмерно гуманное отношение законодателя именно к женщинам [4, с. 152]. Позволим себе согласиться с данной позицией, поддержать её.

Заключение

Принцип равенства перед законом, признаваемый общеправовым и реализуемый, в том числе в рамках уголовного права, предписывает не допускать предпочтений, предоставления преимуществ в чью-либо пользу на основании половых, расовых, национальных, языковых, социальных и иных подобных признаков.

Данный принцип не носит абсолютного характера, и из него есть масса исключений как в целом, так и применительно к возникающим в рамках уголовного права отношениям. Однако законодатель ни в УК РФ, ни в других источниках до сих пор не конкретизировал, что же следует понимать под принципом уголовного права и насколько широки могут быть исключения из него, поэтому данный вопрос требует уточнения.

В целом представляется, что исключения из принципа равенства, допускаемые в рамках уголовного права, должны быть минимальны и лишь в редких случаях, чего пока нельзя сказать, учитывая современное состояние Уголовного закона. Поэтому считаем, что изъять из данного принципа, который в настоящее время законодатель предусматривает в отношении отдельных категорий лиц, чрезвычайно широки и требуют пересмотра.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июл. 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 26 дек.; 2020. 2020. 4 июл.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня. 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня. 1996 г. (с изм. и доп. от 23 мар. 2024 г.) // Рос. газ. 1996. 18-20 июня.; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 13. Ст. 1687.
3. О признании утратившим силу пункта "о" части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (об исключении из числа отягчающих наказание обстоятельств совершения преступления сотрудником органа внутренних дел): законопроект № 215274-8 // СОЗД. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/215274-8> (дата обращения: 15.06.2025).
4. Дмитриев, Д. Б., Донская О. Г. Принцип равенства в уголовном праве России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 148–155.
5. Караваева Ю. С. О принципах равенства и справедливости в уголовном праве и особенностях современного уголовного законодательства в свете исключения пункта «о» из части 1 статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 3 (63). С. 282–291.
6. Сабитов Р. А., Сабитов Т. Р. О несоответствии некоторых норм УК РФ принципу равенства граждан перед законом независимо от имущественного и должностного положения // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 29. С. 69–74.
7. Семёнова И. С. Принцип равенства перед законом в уголовном праве Российской Федерации: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 28 с.
8. Стельмах В. Ю. Признаки иммунитета от уголовного преследования и его виды // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1(93). С. 157–167.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. 1993. 26 dek.; 2020. 2020. 4 iyul.
2. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyun. 1996 g. № 63-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 24 maya 1996 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 iyun. 1996 g. (s izm. i dop. ot 23 mar. 2024 g.) // Ros. gaz. 1996. 18-20 iyun.; Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. 2024. № 13. St. 1687.
3. O priznanii utrativshim silu punkta "o" chasti pervoj stat`i 63 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii (ob isklyuchenii iz chisla otyagchayushhix nakazanie obsoyatel`stv soversheniya prestupleniya sotrudnikom organa vnutrennix del): zakonoproekt № 215274-8 // SOZD. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/215274-8> (data obrashheniya: 15.06.2025).
4. Dmitriev, D. B., Donskaya O. G. Princip ravenstva v ugolovnom prave Rossii // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2021. № 3. S. 148–155.
5. Karavaeva Yu. S. O principax ravenstva i spravedlivosti v ugolovnom prave i osobennostyax sovremennogo ugolovnogo zakonotvorchestva v svete isklyucheniya punkta «o» iz chasti 1 stat`i 63 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Penitenciarnaya nauka. 2023. T. 17, № 3 (63). S. 282–291.
6. Sabitov R. A., Sabitov T. R. O nesootvetstvii nekotory`x norm UK RF principu ravenstva grazhdan pered zakonom nezavisimo ot imushhestvennogo i dolzhnostnogo polozheniya // Vestnik YuUrGU. 2012. № 29. S. 69–74.
7. Semyonova I. S. Princip ravenstva pered zakonom v ugolovnom prave Rossijskoj Federacii: avtoref. ... dis. kand. yurid. nauk. Saratov, 2004. 28 s.
8. Stel`max V. Yu. Priznaki immuniteta ot ugolovnogo presledovaniya i ego vidy` // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 1(93). S. 157–167.

Научная статья

УДК 343.24:343.611

К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ И НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЗА СОВЕРШЕНИЕ УБИЙСТВА ПРИ НАЛИЧИИ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ

**Запико Сара С., Ph.D., доцент, Технологический институт Нью-Джерси,
jdenoncourt_trent@bk.ru**

Аннотация

В данной статье затрагивается один из фундаментальных вопросов отечественного права в целом и уголовного права в частности, а именно вопрос соблюдения принципа справедливости, но применительно к регулированию уголовной ответственности за квалифицированные виды убийства. Автором обосновывается конституционное значение данного принципа, анализируется его содержание на базе уголовно-правовых норм; даётся характеристика убийства, в том числе квалифицированного, с точки зрения общественной опасности; обосновывается особая важность соблюдения принципа справедливости при реализации уголовной ответственности за столь тяжкое преступление ввиду посягательства на самую значимую ценность – жизнь человека. В центре внимания автора находятся несколько спорных вопросов, связанных с регулированием ответственности. Автор критически оценивает созданную законодателем возможность назначения за квалифицированные виды убийства наказаний, менее строгих, нежели за имущественные преступления. Указывает на ярко выраженный гендерный подход в регулировании уголовной ответственности. В ходе подведения итогов высказываются рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства в части назначения наказаний в соответствии с принципом справедливости. В частности, предлагается законодательно обеспечить соразмерность наказаний содеянному, а также отказаться от гендерного подхода, противоречащего принципам справедливости и равенства.

Ключевые слова: квалифицированное убийство, лишение свободы, наказание за убийство, пожизненное лишение свободы, принцип равенства, принцип справедливости, смертная казнь, УК РФ

Original article

ON THE ISSUE OF OBSERVING THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN THE ESTABLISHMENT AND IMPOSITION OF PUNISHMENT FOR MURDER IN THE PRESENCE OF QUALIFYING SIGNS

Zapico Sara C., Ph.D., Associate Professor, New Jersey Institute of Technology

Abstract

This article deals with one of the fundamental issues of domestic law in general and criminal law in particular, namely the issue of compliance with the principle of justice, but in relation to the regulation of criminal liability for qualified types of murder. The author substantiates the constitutional significance of this principle, analyzes its content on the basis of criminal law norms; characterizes murder, including qualified murder, from the point of view of public danger.; The author substantiates the special importance of observing the principle of justice in the implementation of criminal liability for such a serious crime due to the encroachment on the most significant value – human life. The author focuses on several controversial issues related to the regulation of liability. The author critically evaluates the opportunity created by the legislator to impose punishments for qualified types of murder that are less severe than for property crimes. It indicates a pronounced gender approach in the regulation of criminal liability. During the summing up, recommendations are made to improve criminal legislation in terms of sentencing in accordance with the principle of fairness. In particular, it is proposed to legislatively ensure that punishments are proportionate to what they have done, as well as to abandon a gender approach that contradicts the principles of justice and equality.

Keywords: qualified murder, imprisonment, punishment for murder, life imprisonment, principle of equality, principle of justice, death penalty, Criminal Code of the Russian Federation

在这个问题的观测原则的司法在确定和指定惩罚犯下的谋杀案中存在的合格标志

Запико 莎拉 S.Zapiko, 博士学位, 博士, 副教授, 新泽西州技术学院
jdenoncourt_trent@bk.ru

注释

这篇文章涉及的一个基本问题的国内法和一般的刑事法律，特别是，即遵守问题与正义原则，但在有关的条例的刑事责任的资格类型的谋杀。提交人证实宪法重要意义的这一原则，分析其内容的基础上的刑法规范；谋杀的特点，包括合格的谋杀，从观点的公共危险；证明的特殊重要性的观测原则的司法执行的承担刑事责任这样一个严重的犯罪，因侵犯的最重要价值，人的生命。提交人的重点是几个有争议的问题的相关规定的赔偿责任。提交人批判性评估的可能性，创建立法者实行处罚为限定类型的谋杀是较不严重的，比财产犯罪。表示一个明显的性别方法在规定的刑事责任。在总结的结果，建议是由于改进刑事立法条款指定的处罚根据该原则，司法。特别是，它是拟议的立法，以确保相称的惩罚的罪行，以及放弃两性平等的方式违背原则的正义和平等。

关键词：合格的谋杀、监禁、惩处谋杀罪，终身监禁，人人平等的原则，该原则，司法、死刑、对《刑法》的俄罗斯联邦

介绍

那些道德价值观的重要性，保持其没有提出并且可以受到质疑，是公正(公正原则)。其作用在发展的社会和国家强调，在基本法的国家-俄罗斯联邦宪法[],和刑法的俄罗斯联邦[]。

尽管基本性质，这一价值，这个问题的解释概念的"司法"在一般情况下，以及在解释原则的正义有关的刑事立法，仍然是讨论的主题，不仅是科学意义的，但也是重要的观点，改善法律法规和解决问题的执法实践中的

主要的部分

如上所述，公正原则具有宪法重要意义，这表现，例如，在《宪法》序言的俄罗斯联邦。在特定的宪法准则，立法者不直接提及公正原则，但承认重要性的原则在问题的观点看，提交人的宪法可以得出结论的基础上内容的一些其条款直接有关的条例的刑事责任问题。例如，第2部分的《宪法》第20条的俄罗斯联邦允许使用死刑的基础上的联邦法律作为一项例外措施的惩罚"，对于特别严重的罪行对生命时给予被告人的权利有他的情况下考虑通过的法院参与的一个陪审团"。就是说，在这种情况下，规范在保留允许性的施加最严厉的惩罚只能用于特别严重罪行的直接指示的宪法重要意义的原则的正义。

在一定程度上，公正原则还表示，在第1部分的宪法第50条的俄罗斯联邦，禁止重复的定罪相同的罪行。

在《刑法》的俄罗斯联邦、第6条致力于公正原则，根据这一原则是表示如下：

1) **根据的**惩罚措施和其他措施的刑事犯罪施加人犯下的罪行：

- **的性质和程度的公共危险**的罪行；

- **情况下的犯罪**；

- **身份的罪魁祸首**。

2) **不允许携带的刑事责任的两次相同的犯罪**。

因此，立法者的框架内，第 6 条《刑法》，俄罗斯联邦试图描述的司法原则为清楚和简明的可能。同时，该指示的对应惩罚的某些特点的行为和个性的刑法反映了一定的复杂性的理解。因此，当揭示这一原则，就不可能不提到一些准则，指定的概念的一种犯罪并进行分类，它通过它的性质和严重程度。

第 14 条《刑法》的俄罗斯联邦对待犯罪行为因失致力于社会危险法》禁止通过该码的威胁下的惩罚。此外，这些行为正式含有某些迹象的罪行，但不构成公共危险，由于他们的渺小，除外类别的犯罪行为。因此，这些法律限制和剥夺的权利的框架内实施的刑事责任是确定确切地说是通过对公众的危险有关的行为。这大概是最重要的假定的公正原则，实现在该框架刑事法律关系。换句话说，行为不构成公共危险不需要这样严重的剥夺(限制的权利)。否则，这将是不公平的，违反该原则的正义。

说的对应关系的处罚的性质和程度的公共危险的行为，它需要参照第 15 条的《刑法》的俄罗斯联邦，其中的区别四种类别的罪行：

1) **轻重量**；

2) **适度的严重程度**；

3)严重的罪行。

4)特别严重的罪行。

考虑到对合格类型的谋杀提供在第 2 部分第 105 条的《刑法》的俄罗斯联邦、监禁最高达 20 年，可以规定，无论是为了生活，或者死刑(实际上，它不适用)，这些罪行是特别严重。因此，在非常自然的惩罚为他们提供委员会，某些司法。

所述情况的犯罪，根据第 2 条第 105 刑法的俄罗斯联邦也考虑在内：第一，直接在特定段落第 2 部分第 105 条，因为它正是考虑到的情况下提供对于在这一部分，特别是谋杀被认为是合格的伴随更加严厉的惩处；其次的框架内，特别是第 60,62,63,其假设的考虑的减缓，加剧和其他重要情况。

这通常反映了立法者的观点，确保该原则的公平性。然而，关于合格的凶杀案、司法问题特别严重，其中包括由于这一事实，即由于性质的刑事法律政策和执法实践中，某些怀疑是否这项原则的实际实施。

例如，《刑法》的俄罗斯联邦不包含的规则，这会迫使法院要考虑的意见受害方当分配惩罚。如果这样的意见是需要由法律来加以考虑，然后宣判为谋杀应该考虑到的意见的亲人的受害人或幸存的受害者(如果有人企图谋杀)。

想法，需要考虑的意见受害方也表示在科学著作。例如,K.V.Kalyuzhin, 当分析这一问题，建议补充的第 3 部分第 60 条《刑法》的俄罗斯联邦与一项条款上需要考虑到的意见的受害者在事件中的判决，包括关于执行刑事赔偿责任

对犯有谋杀罪[, p.10]. 这一思想，不幸的是，尚未在实践中实现的规范的目前的刑事立法。

制裁本身，提供在第 2 部分第 105 条的《刑法》，俄罗斯联邦还提出了一些问题。因此，根据规定的准则，其中一个三惩罚，可以是规定资格类型的谋杀：

- 1)剥夺自由 8 至 20 年的限制自由，为期 1 至 2 年；
- 2)判处终身监禁；
- 3)死刑。

根据上述内容的这一准则，例如，对于犯有谋杀两个人或更多人，犯罪可能被判处有期徒刑，例如，8 年(可能的最小期)或更少(例如，在所述的情况下，通过新闻服务检察官办公室的伊尔库茨克地区，一个公民被判处监禁的谋杀两个人一个为期 5 年[]).

158 《刑法》的俄罗斯联邦犯下的偷窃、甚至在一个特别大的规模，建立可能实行的刑期高达 10 年监禁。这就是，它变得显而易见的是，在某些情况下，盗窃的财产被认为是立法者作为一个更加危险的行为于故意造成死亡的个人或甚至是一个更大数量的人员。这是不可能的，这种办法来调节的刑事责任可以被解读为对应于原则的正义。

至于死刑，但是事实上的不适用由于目前暂停[,]，这也是问题的许多讨论，在科学和政治领域，在最高当局，主要是立法。尽管事实上，俄罗斯保持

了它以前的课程方面的法律发展，许多意见表示支持的权宜之计的返回的做法实施死刑对于某些情况下的特别严重的罪行，包括谋杀[， p. 10].

另一种情况下，提出了一些问题是实施一个刑委员会的谋杀两个人和两人或多人，其 N.N.Rogova 提请注意，特别是，同时指出可能实行无期徒刑作为最有效的措施犯罪的影响在那些由法律规定并核准了使用通过司法实践[p. 71].

于是，一方面，立法者允许在某些情况下(例如在该情况下多次谋杀)施以最严厉的惩罚提供用于通过刑事法律，同时法院给予一定的自由决定这一问题。结果，实际上可能的情况下，惩罚杀死一个人是更严重的比杀死两个或更多的人。当然，法院考虑到所有情况，但这种情况是不能排除通过法律，这当然，不会有助于立法巩固正义原则在所有方面的执行情况的刑事责任的委员会的合格的谋杀。

当研究司法问题的背景下实施的刑事责任的委员会的合格的谋杀，这是不可能不注意所谓的两性平等的方式使用通过俄罗斯的立法在规范承担刑事责任。这种方法是明确表示，在一些规范刑法典，俄罗斯联邦的调节问题的人绳之以法，特别是对犯有严重和特别严重罪行，这超出了任何怀疑。

第一，第 2 部分的第 57 条的《刑法》的俄罗斯联邦不包括任命妇女担任终身监禁，以及人的年龄是 18 岁(在犯罪时)或者达到 65 岁(在判刑时)。

第二，更广泛列表中的减轻处罚情节是适用于妇女，由于款"b"的第 1 部分的第 61 条《刑法》，俄罗斯联邦的"怀孕"。

如果怀孕是很有理由的，从我们的角度来看，被视为减轻处罚的情节，然后这几乎是不可能看到令人信服的理由不予受理的分配终身监禁的妇女，特别是如果有一个蓄意谋杀两人或多人。

值得注意的是，立法者认识到，杀害新生婴儿由母亲作为一个不太严重的犯罪和有资格在一个独立的第 106 条的乌克兰刑法》，同时段"b"的第 2 部分第 105 条提供的责任谋杀的"未成年人或其他人显然是有罪的，在一个无助的状态..."作为一个合格的谋杀。这也被视为某种迹象的两性平等的方式，这表现在不太严格的出较不严格处罚的犯罪的妇女。

两性平等的方式在执行职责的谋杀案不仅表现在具体规范的刑事立法，而且在司法实践中，这是其特征，在特别是通过任命 的温和惩罚对妇女在与男子相比所表明的那样，例如，由 M.A.Lebedev[]。当然，这违反了不仅是公正原则，但也平等的原则，公民在法律面前和法院，这是基础的两个刑事立法和俄罗斯法律系统作为一个整体。

结论

所进行的分析表明，该原则，司法有关规定的赔偿责任的委员会的资格类型的杀害俄罗斯立法者没有观察到相当一致。司法实践也有助于这一点，在任何情况下，实践的宪法法院的俄罗斯联邦，这是授权评估某些准则条款的遵守准则的《宪法》。

在此基础上，我们认为这是适当审查的办法来确保这项原则的框架内，俄罗斯的刑事法律。第一，该程序分配的刑事处罚应该转化，通过法律，确保

重罪行是考虑到并惩罚相称的犯罪，而消除这一习俗的分配较不严厉的惩罚为合格的类型的谋杀比惩罚其他类型的罪行，不涉及攻击在生活。

其次，有必要审查现有的基于性别的方法来调节程序分配的惩罚，并为此目的，排除《刑法》的俄罗斯联邦的规范，不允许妇女被判处终身监禁为犯下特别严重的罪行，包括合格的谋杀。

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июл. 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р // СПС «КонсультантПлюс».
5. Ипполитова А. Россиянина за убийство двух мужчин в 1997 году посадили на 5 лет // Газета.ru. 24 мая 2023. URL:<https://www.gazeta.ru/social/news/2023/05/24/20507408.shtml> (30.07.2024).
6. Калюжин К. В. Восстановление социальной справедливости при назначении наказания за убийство (ст. 105 УК РФ): втореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 28 с.
7. Лебедев М. А. Влияние гендерного подхода во взаимосвязи с принципами справедливости, равенства граждан перед законом и гуманизма на пенализационную практику судов Российской Федерации. На примере части 1 статьи 105 УК РФ // Закон и право. 2019. № 7. С. 207–210.

8. Рогова Н. Н. Уголовная ответственность за квалифицированные виды убийства // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 7. С. 70–76.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // SPS «Konsul`tantPlyus».
2. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 08.08.2024) // SPS «Konsul`tantPlyus».
3. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 02.02.1999 № 3-P // SPS «Konsul`tantPlyus».
4. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 19.11.2009 № 1344-O-R // SPS «Konsul`tantPlyus».
5. Ippolitova A. Rossiyanina za ubijstvo dvux muzhchin v 1997 godu posadili na 5 let // Gazeta.ru. 24 maya 2023. URL:<https://www.gazeta.ru/social/news/2023/05/24/20507408.shtml> (30.07.2024).
6. Kalyuzhin K. V. Vosstanovlenie social`noj spravedlivosti pri naznachenii nakazaniya za ubijstvo (st. 105 UK RF): vtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2013. 28 s.
7. Lebedev M. A. Vliyanie gendernogo podxoda vo vzaimosvyazi s principami spravedlivosti, ravenstva grazhdan pered zakonom i gumanizma na penalizacionnuyu praktiku sudov Rossijskoj Federacii. Na primere chasti 1 stat`i 105 UK RF // Zakon i pravo. 2019. № 7. S. 207–210.
8. Rogova N. N. Ugolovnaya otvetstvennost` za kvalificirovanny`e vidy` ubijstva // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 7. S. 70–76.

Научная статья

УДК 343.9

АЛКОГОЛИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ОБОСТРЕНИЯ КРИМИНОГЕННОЙ ОБСТАНОВКИ

**Девлеминк Дэвид, Ph.D., Чунцинский университет, Чунцин, Китай,
devlemincqd_ch@bk.ru**

Аннотация

Затрагиваемая в статье тема касается сложнейшей проблемы российского общества – алкоголизации, которая рассматривается в контексте противодействия преступности и снижения криминогенной обстановки. Кратко представлен терминологический аспект алкоголизма и алкоголизации, из чего делается вывод о том, что в вопросах противодействия преступности более предпочтительным является использование понятия «алкоголизация» как более широкого, позволяющего учитывать в качестве криминогенного фактора и те случаи употребления алкоголя, когда алкогольная зависимость отсутствует, но имеет место алкогольное опьянение при совершении преступления. Приводятся статистические данные по России и отдельным регионам, характеризующие долю преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения и отражающие позиции соответствующих субъектов РФ в общем рейтинге преступности. На основе изучения статистических данных формулируется вывод о наличии некоторой взаимосвязи между уровнем преступности и фактами употребления алкоголя. Отмечен дискуссионный характер вопроса оценки алкогольного опьянения как обстоятельства, влияющего на квалификацию деяния и назначаемое наказание. Высказывается мнение о необходимости пересмотра подхода к оценке алкогольного опьянения как обстоятельства, учитываемого при назначении наказания.

Ключевые слова: алкоголизация населения, алкоголизм, бытовая преступность, общественная безопасность, предупреждение преступлений, противодействие преступности, профилактика преступности

Original article

ALCOHOLIZATION OF THE POPULATION AS A FACTOR OF AGGRAVATION OF THE CRIMINOGENIC SITUATION

David J Devlaeminck, Ph.D., Chongqing University, Chongqing, China

Abstract

The topic covered in the article concerns the most difficult problem of Russian society – alcoholism, which is considered in the context of crime prevention and reducing the criminogenic situation. The terminological aspect of alcoholism and alcoholization is briefly presented, from which it is concluded that in matters of combating crime, it is preferable to use the concept of "alcoholization" as a broader one, which allows taking into account as a criminogenic factor those cases of alcohol consumption when alcohol dependence is absent, but alcohol intoxication occurs during the commission of a crime. Statistical data for Russia and individual regions are presented, characterizing the proportion of crimes committed under the influence of alcohol and reflecting the positions of the relevant subjects of the Russian Federation in the overall crime rating. Based on the study of statistical data, it is concluded that there is some correlation between the crime rate and alcohol consumption. The debatable nature of the issue of assessing alcohol intoxication as a circumstance affecting the qualification of an act and the punishment imposed is noted. The opinion is expressed that it is necessary to revise the approach to assessing alcohol intoxication as a circumstance that is taken into account when sentencing.

Keywords: alcoholization of the population, alcoholism, domestic crime, public safety, crime prevention, crime prevention

Introduction

Effective counteraction to crime and reduction of the criminogenic situation in Russian society are among the most important tasks of Russian authorities, primarily law enforcement. The importance of this task, on the one hand, is mediated by the need

to develop Russia as a state governed by the rule of law and maintain (ensure) the rule of law in it; on the other hand, by the presence of specific problems expressed in a fairly high level of crime.

The important role of countering crime is also evidenced by the existence of a specially adopted Federal Law No. 182-FZ of 23.06.2016 "On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation" [1] (Federal Law No. 182-FZ). Article 6 of this law highlights the identification, assessment and forecasting of criminogenic factors of a social nature as one of the areas of preventive work. This justifies the interest in analyzing alcoholization of the population as one of the key criminogenic factors.

The main part

As part of the study of the problem of alcoholism, it is of paramount importance to solve the terminological question, for which we will turn to the normative interpretation of the concept of "alcoholism". In the Order of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 140 dated 28.04.1998 [3], alcoholism is defined as dependence on alcohol. Moreover, it is divided into stages, phases, and periods that generally reflect the state of an alcohol-dependent person in terms of the presence of appropriate symptoms (signs).

Given that alcoholism is a medically diagnosed disease, it is appropriate to speak about its presence *de jure* only if there is a properly formed diagnosis. And it is quite obvious that not all people who have signs of alcoholism have a medically established diagnosis. Therefore, considering alcoholism as a criminogenic factor allows us to cover a relatively narrow segment of society. In this sense, the term "alcoholism" seems more appropriate because it can cover not only the part of society where alcoholism is recorded, but also society as a whole, because alcoholism, as a social phenomenon, is comprehensive.

Confirming the above, we can emphasize the possibility of considering alcoholization as any alcohol consumption, regardless of the quantitative and other

characteristics of this process (phenomenon). In addition, alcoholism can also be interpreted as the spread of alcoholism [4, p. 3].

The presented opinion is based on the fact that from the point of view of the impact on criminality, any alcohol consumption is important. This is also evidenced by statistics that keep separate records of crimes committed under the influence of alcohol [7]. It is obvious that the relevant data take into account, among other things, the facts of committing a crime by those persons who do not suffer from alcohol dependence, are not registered with the disease "alcoholism", but committed a criminal act in a state of intoxication.

The Concept of Public Safety [2] pays little attention to the problem of alcoholism. But even a single mention of this problem in this document is of no small importance in terms of assessing its role as a crime factor. Paragraph 13 of this Concept emphasizes that it is in a state of intoxication (both narcotic and alcoholic) that a significant number of crimes are committed. At the same time, mass alcohol abuse is indicated. And this gives quite good reasons for self-isolation of alcoholism in the system of factors contributing to the aggravation of the criminal situation in Russia.

A more vivid and convincing confirmation of the special significance of alcoholism as a factor of aggravation of the criminal situation is the statistical data on the state of crime presented by the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2023. According to them, about 22.4% of crimes are committed under the influence of alcohol [7]. That is, almost every quadruple crime is determined by the factor of alcoholism, which cannot but cause extreme concern.

This problem of alcoholism and the role of alcohol consumption in the system of factors that aggravate the criminal situation is not as clear as it may seem at first glance, because in Russia there is a very significant differentiation of regions according to various characteristics, including:

- the amount of alcohol consumed per capita;
- the number of crimes committed, including specific ones;
- social and economic development, etc.

Therefore, general data on the proportion of crimes committed under the influence of alcohol are not sufficient to assess the problem under study objectively. To solve this problem, you should refer to information about the level of crime in certain regions, including due to alcohol consumption. The sources of this information were the report of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the state of crime in Russia for 2023, as well as the Rating of regions by crime developed by the results of 2023 by specialists of FSUE MIA "Russia Today". The following is a list of regions with the highest proportion of crimes committed under the influence of alcohol, and in parentheses the place of the corresponding region in the Rating mentioned above is reflected, where the 1st place is occupied by the region with the minimum number of crimes registered per 10 thousand inhabitants, and the 85th-with the maximum:

- Nenets Autonomous District – 46.8% (81st place out of 85),
- Tyva – 43.1% (58th place),
- Chukotka Autonomous Region – 42.7% (78th place),
- Yakutia – 39.4% (35th place),
- Buryatia – 38.4% (79th place),
- Komi Republic – 37.3% (85th place),
- Trans-Baikal Territory – 36.9% (74th place) [7; 8].

The list presented above shows that many regions with the highest level of criminality are also characterized by the highest proportion of crimes committed on the basis of alcohol intoxication. There is no direct correlation here, if only because not all regions with the highest proportion of crimes committed under the influence of alcohol are among the most criminogenic regions. However, a certain relationship is still seen.

Separately, we should mention the problem of criminogenic manifestations among minors. This problem is also ambiguously expressed in different regions of Russia: in some regions of the Russian Federation, the level of juvenile delinquency significantly exceeds the indicators reflecting its state in Russia as a whole. Thus, the Trans-Baikal Territory stands out among the regions with the highest level of juvenile

delinquency. Data reflecting the level of juvenile delinquency in this region [7] indicate that the factor of alcoholism is also manifested among adolescents.

A study conducted by Doctors of Medical Sciences A.V. Sakharov and N. V. Govorin showed that in the Trans-Baikal Territory in the adolescent environment, alcoholism affects a significant part of minors. Among adolescents (young men) aged 15-16 years, 65% of the surveyed participants were abstinents (i.e., non-drinkers), casual drinkers-21.6%, situational drinkers-8.6%, systematic drinkers-4.1%. Moreover, there were also habitual drinkers-0.6%. Among girls, the indicators were largely similar [5, p. 17], so we will not give them. However, these data also suggest that at least 4.1% of adolescents should be considered at risk. It seems that the problem should be of particular interest to the state and those leaders who are engaged in developing policies in the field of combating crime.

Of course, the state is currently taking very active and, I must say, largely effective measures aimed at preventing alcoholization of the population as a whole and among minors. However, statistical data and results of scientific research indicating the use of alcohol among this category of the population suggest the need to strengthen measures to counteract this social phenomenon, which not only negatively affects the health of the population, but also exacerbates the criminal situation.

In the literature, it is often pointed out that in reality the problem of alcoholization of the population is more acute than statistics show. And in many ways there is an explanation for this, because if there is a general decrease in the number of crimes, then it is unlikely that the specific share of crimes committed under the influence of alcohol will decrease: this indicator is consistently high [6].

This situation gives rise to reasons for reviewing the state policy in the field of combating crime caused by the factor of alcoholism, and the literature pays close attention to this. For example, K. P. Fedyakin and S. A. Galaktionov point out the expediency of a more consistent approach to solving the problem of criminal liability for committing crimes of the considered category. They justify their position by saying that such crimes are often committed when using sources of increased danger, which

is associated with a large number of victims [6]. At the same time, many crimes committed under the influence of alcohol are reckless, and therefore relatively mild punishments are imposed on the guilty, and this hardly contributes to the prevention of similar acts both on the part of the convicted person and on the part of others.

A review of the current approach to the assessment of crimes related to alcohol intoxication is largely hindered by the discussion about how the very fact of alcohol intoxication should be assessed: as a mitigating circumstance, an aggravating circumstance, or a neutral one? Moreover, an unambiguous assessment is also hindered by the fact that not in all cases of committing a crime under the influence of alcohol or in the presence of alcohol dependence, it is the use of alcohol that causes the crime. After all, there is no doubt that in some cases the presence of alcohol intoxication or alcohol dependence may not play any role in the commission of a crime [6].

Conclusion

Alcoholization of the population, without a doubt, is a significant factor that exacerbates the criminal situation, including among minors. Moreover, it is obvious that this factor primarily affects the level of various kinds of violent crimes; as for intellectual crime, this factor is unlikely to contribute to it.

The Russian policy in terms of countering alcoholism, including in the aspect of crime prevention, raises some questions. The very fact of the presence of alcoholic intoxication is not recognized as an aggravating circumstance in the qualification of the act and the imposition of punishment. Moreover, the commission of reckless crimes involving alcohol consumption, on the contrary, contributes to the appointment of relatively mild punishments, and this in no way allows for effective prevention of such crimes.

Given the above, it is important to take more radical measures aimed at reducing alcoholism as a factor that exacerbates the crime situation. It may be necessary to consider re-evaluating the state of alcoholic intoxication as a circumstance that is taken into account when assigning a sentence.

Список литературы

1. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
2. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
3. Приказ Минздрава РФ от 28.04.1998 № 140 «Об утверждении Стандартов (моделей протоколов) диагностики и лечения наркологических больных» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
4. Белова Ю. Ю. Процесс алкоголизации населения как угроза национальной безопасности России (на примере Республики Марий Эл): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2013. 26 с.
5. Сахаров А. В., Говорин Н. В. Изучение алкоголизации населения в забайкальском крае: основные результаты проведенных эпидемиологических исследований // Вопросы наркологии. 2020. № 11(194). С. 12–29.
6. Федякин К. П., Галактионов С. А. Уголовно-процессуальное доказывание и социальная обусловленность преступлений, совершенных в состоянии наркотического или алкогольного опьянения // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 1, № 3(96). С. 263–270.
7. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 03.06.2025).
8. Рейтинг регионов РФ по преступности – итоги 2023 года // РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20240122/630256247.html> (дата обращения: 03.06.2025).

References

1. Federal'nyj zakon ot 23.06.2016 № 182-FZ (red. ot 08.08.2024) «Ob osnovax sistemy` profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
2. Koncepciya obshhestvennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii (utv. Prezidentom RF 14.11.2013 № Pr-2685) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
3. Prikaz Minzdrava RF ot 28.04.1998 № 140 «Ob utverzhdenii Standartov (modelej protokolov) diagnostiki i lecheniya narkologicheskix bol'ny'x» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
4. Belova Yu. Yu. Process alkogolizacii naseleniya kak ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii (na primere Respubliki Marij E'l): avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. Saransk, 2013. 26 s.
5. Saxarov A. V., Govorin N. V. Izuchenie alkogolizacii naseleniya v zabajkal'skom krae: osnovny'e rezul'taty` provedenny'x e'pidemiologicheskix issledovanij // Voprosy` narkologii. 2020. № 11(194). S. 12–29.
6. Fedyakin K. P., Galaktionov S. A. Ugolovno-processual'noe dokazy`vanie i social'naya obuslovlennost` prestuplenij, sovershenny'x v sostoyanii narkoticheskogo ili alkogol'nogo op`yaneniya // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishheva. 2020. T. 1, № 3(96). S. 263–270.
7. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar` – dekabr` 2023 goda // Oficial'nyj sajt MVD Rossii. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (data obrashheniya: 03.06.2025).
8. Rejting regionov RF po prestupnosti – itogi 2023 goda // RIA Rejting. URL: <https://riarating.ru/infografika/20240122/630256247.html> (data obrashheniya: 03.06.2025).

CONTENTS

ISSUES OF DECRIMINALIZATION OF CERTAIN CRIMES IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY	8
PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND IMPLEMENTATION OF LIABILITY FOR FALSIFICATION OF EVIDENCE AND RESULTS OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES	19
IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF EQUALITY OF CITIZENS BEFORE THE LAW IN THE FIELD OF CRIMINAL LAW	33
ON THE ISSUE OF OBSERVING THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN DETERMINING AND ASSIGNING PUNISHMENT FOR COMMITTING MURDER IN THE PRESENCE OF QUALIFYING SIGNS	44
ALCOHOLIZATION OF THE POPULATION AS A FACTOR OF AGGRAVATION OF THE CRIMINAL SITUATION	55

表格的内容

问题的非刑罪化的某些罪行在经济活动领域的	8
问题的法律法规和执行情况的责任伪造证据和结果的业务的搜索活动	19
执行平等原则的公民在法律面前一律在刑法领域	33
在该问题上的观测原则的司法在确定和指定惩罚犯下的谋杀案中存在的合格标志	44
醇化人口作为一个因素的恶化犯罪情况	55